

Анатолий АГРАНОВСКИЙ

ПОВТОРИТЬ описание всегда считалось стыдным делом — это плагиат. Повторить фразу тоже опасались — это заимствование. А вот мысль повторить в сотый, в тысячный раз, да еще теми же заезженными словами, — это почему-то не считается у нас зазорным. Многие делают художественную публицистику — композиция, язык, пейзаж, диалог, портрет, — но без мысли, глубокой, умной, желательной свежей, современного очерка попросту нет.

Что такое публицистика? Существует много определений, и каждое по-своему правильно. Главное для меня такое: публицистика призвана будить общественную мысль. И когда, саясь за стол, мы ищем новый поворот, новый сюжет, новые слова, все это делается для того, чтобы повести читателя путем мысли. Если же публицистика монотонна, если повторение сказанного выдвигается за постановку темы, то мысль общества не будится, а усыпляется. Произведения такого рода называются иногда бесполезными. Неправда. Бесполезное вредно. Бездумная публицистика наносит огромный вред развитию общественного сознания, вред, который мы еще не умеем оценивать.

Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает.

Было время, публицист шел к своим героям за готовым. Он сам все знал наперед, ему требовалось всего лишь подтверждение. К людям шли за фактом, за цифрой. Лучшие шли за метким словом, за краской: взглянуть, какие руки у героя, увидеть его глаза и не пошло описать современника. Но очень редко шли за мыслью.

Нынешний очерк так уже не может. Ненаигранный интерес к мысли, или, беря привычную формулу, к духовному миру современника, ведет публицистику многих наших журналистов. С другой стороны, отходят на второй план всякого рода беллетристические завитушки и украшения, призванные скрыть бессмыслие.

Нас окружает бездна умных людей. Мы еще порой удивляемся встрече с интересным человеком, а пора уже удивляться, когда журналист таковых не находит. Это странно, что где-то есть простые люди, которые-де ничего интересного не могут рассказать. Нет таких. А если и находятся, то это значит только то, что мы были скучными собеседниками, не сумели как следует выслушать человека. Я помню совет отца, старого журналиста: «Идишь на первое интервью — не давай ему рта раскрыть. Первый раз говори сам. Во второй вечер можешь уже слушать. Вот тогда выйдет разговор».

Разрешу себе еще немного отвлечься от высоких материй, чтобы поговорить о нашем ремесле. Очень полезно в работе бывает то, что для себя называю умением ставить собеседника на место. Приходящий к знатому ли рабочему, или министру, и он для тебя вначале не живой человек, а скорее лишь имя, должность. И само «заземлить» его, сделать таким собой, потому что, стоя перед ним по стойке «смирно», писать нельзя. Я убежден: когда Горький писал о Ленине, он не смотрел на Владимира Ильича снизу вверх. Он изучал его, как изучал всех своих героев, потому-то и получился портрет Ленина, лучше которого нет ни в публицистике, ни в литературе.

Корень публицистики — убежденность автора. Идеальная убежденность. Лучшие выступления рождаются, когда журналист мог бы воскликнуть: «Не могу молчать!» Худшие — когда «могу молчать». Я верю публицисту, если чувствую: его волнует то, о чем он пишет. Вещь выношенная. Автор не вчера придумал тему, он много размышлял о ней, тема наболела.

Я давно понял: можно позволить себе критику любой степени остроты, в том числе и в юбилейный год, если читатель видит, что журналист болеет за дело, пишет, чтобы помочь движению вперед.

После статей некоторых наших публицистов в наборных кассах восклицательных знаков не оставалось, лимит их исчерпывался до конца квартала. Мне лично по душе скромный вопрепятственный знак. Он в традициях русской демократической революционной публицистики: «Что делать?», «Кто виноват?».

Есть известная сказка о дураке, который на свадьбе плакал, а на похоронах смеялся. Мне иногда кажется, что он вовсе никакой не дурак, просто он боялся перегибнуть. И когда случается шарханье из одной крайности в другую, то долг публициста — убежденно, честно, а главное, своевременно сказать об этом.

Пожалуй, всего трудней дается

нам положительный очерк. Если он пишется честно, если для миллионов читателей, а не для одного дежурного редактора. Трудно привлечь внимание читателя к материалу о наших достижениях, во всяком случае, сложнее, чем к фельетону или заметкам из зала суда. Мешают штампы, мешают стертость высоких слов, мешают исходность дорог. Попросту говоря, нынешнего читателя труднее стало удивить. Первый трактор в деревне больше поража воображение людей, нежели первый спутник. Маленькая Свирь удивляла больше, чем Братская ГЭС. Между тем без положительного очерка газета жить не может, ведь у нас есть чем похвастаться, что показать.

Помните фразу Маяковского: «Ору, а доказать ничего не умею»? Именно доказательности нам прежде всего и не хватает. На фельетон может прийти опровержение, мы предвидим это и строги в проверке, последовательны в логике рассуждений, а на положительный очерк опровержений, как известно, не бывает. Тут мы как бы освобождены от необходимости доказывать свою правоту. И не доказываем, а утверждаем, декларируем. Еще Пушкин высмеивал таких авторов, которые «...говорят обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно, а это дурно потому, что скверно. Отселе их никак не выманишь».

В положительной публицистике тоже нужны резоны, нужны доказательства, проверка фактов, говоря профессиональным языком, нужно расследование подвига. Не хочу вникать в недавний спор о легендах и фактах. Но, по-моему, очевидно, что сегодня новых легенд сочинять не следует. Если есть возможность в мирное время все проверить, значит, это нужно сделать. А легенды нынче сочиняют ленивые и нелюбопытные люди, которым неинтересно, что было на самом деле, и лень это узнать.

А как же право на домысел?.. Споров о «допустимой степени художественного обобщения» было множество. Я думаю, что она в очерке может быть любой. Не надо только путать, не надо обманывать читателя, не надо вымысел выдавать за правду, а факты объявлять вымыслом. В книге П. Вершигори «Люди с чистой совестью» есть партизанский разведчик, который свои доносения неизменно делил на три части: «Видел сам. Слышал. Предполагаю». Вот так примерно и надо бы нам работать.

Однажды меня послали на станцию, где произошло крупное происшествие. Пьяный тракторист разворотил рельсы. Машинист, увидев это, героически спас пятьсот человек, а сам погиб. В редакцию задание сформулировали так: мы должны написать такой очерк, чтобы во всех депо повесили портрет героя-машиниста.

Очерк этого типа в конце концов появился. Только не в «Известиях», а в другой газете, и автором его был не я. Суть очерка заключалась в следующем: машинист увидел развороченные рельсы, в эту минуту вся жизнь пронеслась перед его мысленным взором, и он не мог позволить, чтобы женщины, дети, едущие за его спиной, погибли, и он пошел на смерть, спасая других людей.

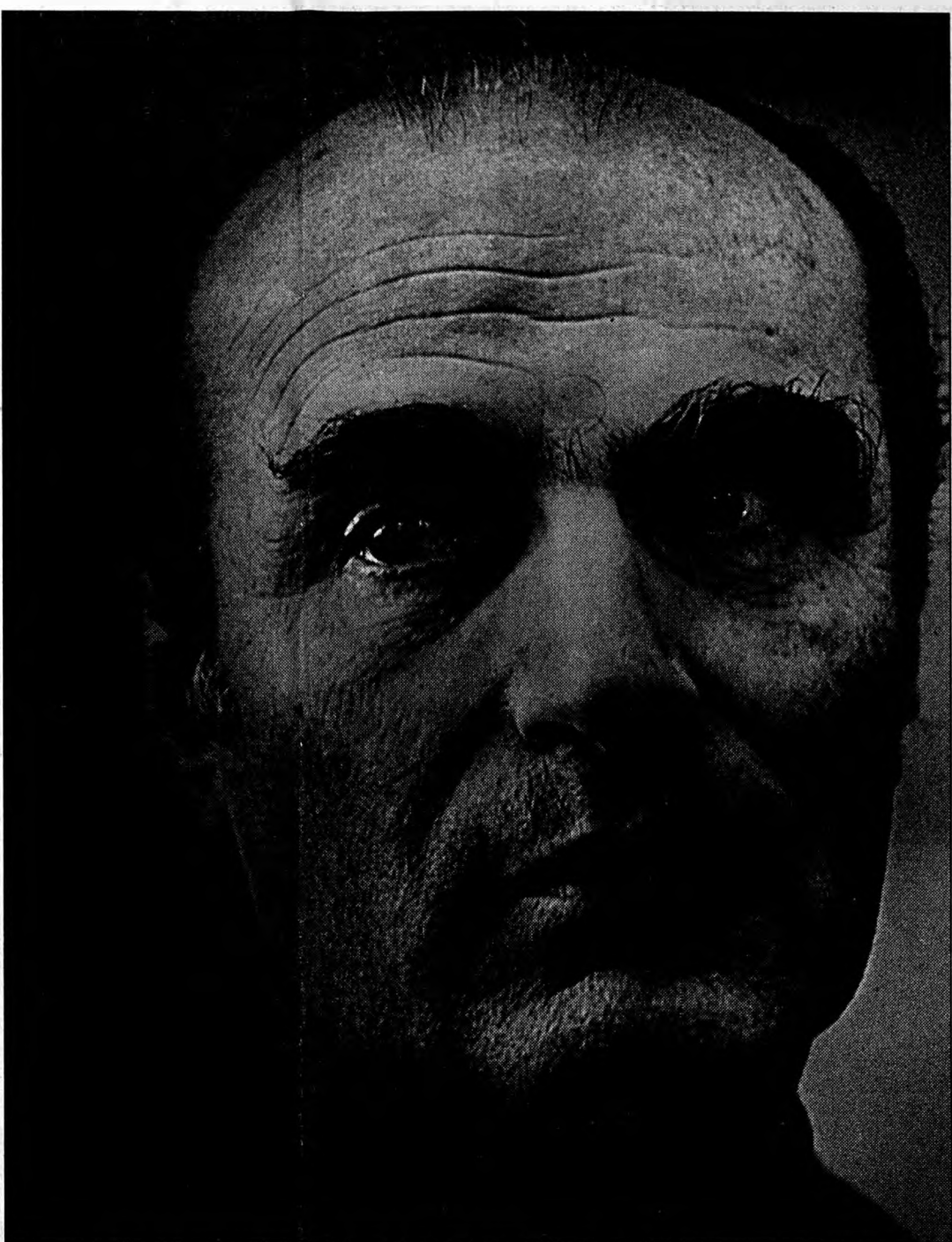
Как человек я тоже свято верил, что так оно все и было. Но как журналист обязан был «подвергать сомнению». На паровозе я проехал тот же перегон, засекая время секундомером. Мы ехали с той же скоростью, и от того момента, когда помощник крикнул «Коля, держи!», до момента аварии прошло всего несколько секунд. Я понял, какой работой были заполнены они, что делал ма-

Давайте думать

8 января Анатолию Абрамовичу АГРАНОВСКОМУ исполнилось бы 75 лет. Как-то он написал, что хорошо бы печатать «По следам наших публикаций» не через месяц, а лет через десять-пятнадцать. И этот срок действительно оказался подходящим для проверки сделанного им в нашей журналистике. Прошло тринадцать лет после его несправедливо ранней смерти, и результаты его работы обнаруживаются со все нарастающей ясностью и на такой глубине, к которой всегда стремился Мастер. Понятия, вошедшие в тебя с воздухом страны, не растворяются без остатка, какими бы сильными средствами их не обрабатывали. Поэтому наша журналистика, совершив бросок в западную информационность, беспартийность, бесстрастность, под давлением читательских пристрастий потихоньку возвращается к своим традиционным ценностям.

Не было за последнее время ругательнее слова, чем публицистика. Это неудивительно, если учесть, как был искажен его смысл газетами советского времени. Но Аграновский был из тех, кто понимал и хранил этот смысл всегда. Каждой своей статьей он настаивал, что публицистика — это служение мысли, новой и актуальной; это ощущение общественной боли как своей личной; это откровенность, требующая мужества; это 300 страничек блокнотных записей для очерка в 12 страниц; это развенчание дураков, сходящих за умных, и утверждение умных, почему-то ходящих в дураках; это когда министры расчерчивают красным карандашом твои статьи и созывают коллегия; это даты под очерком 1961 — 1964; это поток идущих в ответ писем и твоя работа с ними, устанавливающая обратную связь; это фразы, набирающие незыблемость афоризмов. Это самоуважение журналиста и газеты.

Аграновский не дожидаясь времени дозволенных обличений, когда публицистика разгулялась на всю катушку, доказывая в умных статьях и блистательных очерках справедливость тех нескольких истин, которые уже лет двадцать были очевидными любому интеллигенту в России. Но он сделал очень много для того, чтобы эти истины стали очевидны. Сейчас, когда каждый из журналистского цеха выживает в одиночку, когда амбиции разного рода затмевают разум, когда даже смерть одного из своих не объединяет, а разъединяет коллег, трудно представить, что тогда слово «учитель» не корбило даже самых талантливых газетчиков. Поле, излучаемое Аграновским, было так велико, что любой публицист оценивал себя сам и оценивался читателями в той мере, в какой приближался к Аграновскому. И эта сила

притяжения цементировала цех, делала его сплоченной и сильной.

Когда распалась страна, выплеснувшись с водой и ребенком. Вместе с плохими истинами забыли и хорошие. Теперь нас обязывают придумывать новую идеологию. Наверняка найдутся исполнительные умники, которые полезут в старые книги. И они будут правы. В двухтомнике Аграновского, куда вошли его газетные очерки, они обнаружат много такого, что не поддается разрушению никакими вениями, никакими правительственными: основы жизни любого, даже постперестроечного общества — честность, самоотдача, совестливость, сострадание.

Сегодняшняя публикация не юбилейная. Это попытка напомнить, что настоящие ценности не создаются влопыхах и по приказу. Они вырабатываются кропотливым, ответственным трудом, пример которого — творчество Аграновского.

Время, совершив виток, требует доверительного разговора с растерянным и сбивым с толку общественным мнением. Не случайно публицистический очерк, рассчитанный на размышление, подкупающий прелестью обыкновенного человеческого языка, постепенно возрождается. Он не отменяет информационную журналистику, он обогащает ее смыс-

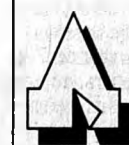
лом и чувством. Спасибо Анатолию Аграновскому, отстоявшему их в своих статьях. Одну из них, напечатанную в «Журналисте» в 1967 году, мы предлагаем сегодня вашему вниманию.

Друзьям он, бывало, говорил: «Не могу понять тех, кто именует себя писателем». Он считал себя журналистом. И скорее всего посмелся бы над академиком в новопридуманной Академии свободной прессы. Отрывки из публикуемых писем публициста подтверждают, что журналистика — это не профессия, это — образ мысли и жизни.

Ольга ТИМОФЕЕВА

Сегодня он нужнее, чем когда-либо прежде

ОТТО ЛАЦИС
«Известия»

ЕСЯТКИ лет я старался до него дотянуться. У меня своя тема, свое знание жизни, но в профессиональном отношении не было для меня более высокой задачи, чем — написать хоть раз не хуже Аграновского. Если бы потребовалось ввести единицу измерения журналистского мастерства, я бы ее предложил: «один миллион Аграновских». «Милли», потому что на «один Аграновский» тянул только один — Аграновский.

Большинство людей моей профессии в 60–70-х годах в этом не сомневались — и были правы. Но вот были ли мы правы в понимании причин и сущности его профессионального лидерства — не знаю. Тогда я понимал это так же, как все, а сейчас начал сомневаться в правильности общепринятого взгляда.

Тогда я был уверен, что главная его сила — в умении свободно говорить о том, что казалось невозможным высказать в подцензурной прессе. Так скалолаз высшего класса, кажется, легко идет по отвесной стене, на которую обыкновенному человеку и посмотреть страшно.

Это была сила особого мастерства, рожденного для особого времени. Времени мертвящей журналистики, оставившей крайне мало простора для честного и мыслящего

человека. Факт, мысль, совесть, собственное мнение — все это не требовалось. Журналистика подчинялась пропаганде установок, изрекаемых несколькими старцами на вершине партийно-государственной пирамиды. Аграновский умел проходить сквозь стену запретов. Преодолевая огромное сопротивление, неся потери — но проходить. Я в свое время внимательно изучал, как он это делает, и не я один. Была целая школа Аграновского, прежде всего в «Известиях», сложился особый род газетного письма, позволявшего с помощью специфических литературных приемов в каком-нибудь очерке на полполосы протащить пару абзацев назло начальству, да так, чтобы цензор эти несколько фраз не увидел, а искушенный читатель — заметил.

Эта школа умерла через несколько лет после того, как умер Аграновский. Пришла гласность, а с ней — возможность писать прямо и просто. И стало утверждаться мнение, что заслуга Анатолия Аграновского — огромная, неоценимая заслуга — относится исключительно к ушедшей эпохе безгласия. Утвердилось мнение, что сегодня Аграновский нам не нужен и самому ему в газете девяностых годов было бы нечего делать.

Что-то мешало мне принять такой взгляд. Что-то на уровне интуиции, связанное, может быть, с тем, что я знал: толю не только как читателя. И лишь со временем я понял, что главным в творчестве Аграновского было не это. Главным был его взгляд на человека, его понимание человека.

Тогда было в ходу прямолинейное деление журналистов на восхваляющих и критикующих. Восхваляющих лас-

кало начальство, критикующих ценил за честность и смелость читающий народ. Я по молодости лет ревностно держался в рядах критикующих, но однажды обнаружил, что Аграновский пишет в основном в жанре «положительного очерка». Об учителе Адриане Топорове («Как я был первым»). О врач-пенсионере Андрее Курбаке («Курбака и другие»). О летчике-испытателе Григории Седове, Владимире Нефедове, Георгии Мосолове («Одно слово»). О главном хирурге Святославе Федорове («Открытие доктора Федорова»). Я терпелся, пытаясь ответить на вопрос, что написал бы Толя сегодня о предпринимателе Федорове, о политике Федорове, вещающем не то о народном капитализме, не то о народном социализме. Силую ответить — и не могу. Может быть, ничего не стал бы писать. Но он писал о докторе Федорове — этот очерк не вызывает сомнений и сегодня. И никогда не устареет начальная, ключевая фраза: «Интеллигенция — слово русское».

Да, Толя писал в основном в жанре положительного очерка. Но не найти было газетного писателя острее и критичнее, чем Аграновский. «В похвале тамтас сравнение», — написал он однажды. Его сравнения не особенно и таились. Рядом с Топоровым стоял его антипод, донощик и гонитель. Рядом с Федоровым — завистливые бюрократы, изгнавшие его из Чебоксар. Рядом с Курбакой — сама советская экономическая система, хваленое «плановое хозяйство», вынуждавшее энтузиастов-одиночек ценой фантастических усилий добывать для врачей малую толику оборудования, которое наша промышленность вполне могла создавать для спасения больного.

Я понял, что деление журналистов на критикующих и

восхваляющих поверхностно и примитивно — все дело в том, что и как критиковать или восхвалять. Иные похвалы — хотя бы те же очерки Аграновского о «Братской» Венгрии — были в глазах начальства худшим криминалом, ибо показывали советскому человеку, что совсем не обязательно жить так глупо, как мы живем. Некоторое время я думал, что теперь-то я понял об Аграновском все. Но главного, я как выяснилось позднее, еще не понимал. Главное было в его положительных героях. Все это были люди, умевшие сопротивляться обстоятельствам.

Говорят, сейчас плохое время. Жалуются больше даже не на материальные невзгоды, а на утрату идеалов, на обесценивание таких понятий, как совесть, честность, трудолюбие. Торжествует ловкое и беспрерывное стяжательство. Тысячи людей кичатся успехом в этом деле, нимало не стесняясь того, что источники их успеха сомнительны. И тысячи других признали, что теперь так и надо, потому что теперь такое время.

Мы не виноваты, время виновато. Но прежние времена не были добрее к большинству героев Аграновского, чем день сегодняшний — к нам, нынешним. А ко многим — хоть к тому же Адриану Топорову, да и к отцу самого Аграновского, как и к его тестю, — оно было в тысячу раз злее. Но героям Аграновского всегда был человек, способный оставаться самим собой при любых обстоятельствах.

Если бы мы, журналисты девяностых, сумели по-совому рассказать о таких же людях, которых остается множество вокруг и в наши дни, — может быть, цена каждого из нас и поднялась бы до одного миллиона долларов.

Надо лезть в глубь...

В.Г. Татаринцев¹
08.11.67г.
Уважаемый Валерий Григорьевич!

...О Вашей теме. Полагаю, что писать об этом можно. Обо всем можно.

Но газета требует конкретики. Путь газетчика — от частного к общему. Чаще всего — так. Чем острее проблема, тем доказательнее надо писать. Чем злее журналист, тем спокойнее должно быть его перо. Это и литературно лучше, и что-де «всюду так», «все сплошь такие», «сверху донизу» и т.д. и т.п. Помимо всего прочего, такого рода обобщения бываю чаще всего ложными.

Практически Вам надо из многочисленных примеров, которые стоят у Вас перед глазами, выбрать один или два. Но уж «раскрасить» их до тонкости. Я бы лично пошел этим путем. Тогда Вы получите факты, даты, цифры, имена. Тогда можно писать.

Обобщение (если факт, взятый Вами, не уникален) выйдет само собой. <...>

Я не теоретик, но убедился давно в следующем: чем точнее, чем с большим проникновением в детали, чем с большей характерностью описано данное конкретное дело, тем сильнее будет выявлено типическое для всех людей и мест.

Значит, надо нам, газетчикам, ковыряться в деталях, лезть в глубь, а не в ширь, заниматься исследованиями частностей. Это трудно, но всегда безопасно, но в конце концов мы сами выбираем себе путь свой. И всегда есть возможность писать гладко, проблем острых не трогают, тем сложным не поднимать.

Еще один совет. Если Вы решитесь писать о том, что Вас волнует, будьте до конца объективны, непредвзяты. Это мы все знаем, все проповедуем, но на практике это бывает нелегко. Возьмем хотя бы Ваш пример: врачи берут деньги с больных. Ответительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте оппонентов. Есть у нас платные поликлиники и больницы. Отвратительно? Согласен с Вами. Но это лишь первый, самый верхний слой. А Вы обязаны лезть в глубину, выслушать оппонентов, взвесить все «за» и «против». Я, например, думаю, что есть случаи, когда плата за лечение может оказаться полезной. Не торопитесь возмущаться, дослушайте